

ПОСЛАНИЕ ИЗ «CHICKEN HOUSE»

Я никогда не думал, что прочту ещё одну историю о Венеции, которая будет такой же душевной, волнующей и неожиданной, как «Король воров» Корнелии Функе. Но мудрая Анна Хогтон наполнила этот туманный и таинственный водный мир новой магией. В «Маске Арибеллы» она подарила нам захватывающую историю об удивительных масках, верной дружбе и сражении со смертельным врагом. Блистательно! Пришлите мне гондолу, немедленно!

*Барри Каннингем,
издатель,
«Chicken House»*

Посвящается Мэтту и Сью

Магия — это вера в себя.
Если ты можешь поверить, ты можешь всё.

Иоганн Вольфганг фон Гёте

Арибелла и её друг Тео сидели рядышком на палубе рыбацкой лодки, глядя на свой родной остров, лежащий по другую сторону лагуны. Вдалеке уже показались ярко раскрашенные домики Бурано.

Стояло последнее утро сентября. Завтра у Арибеллы день рождения: ей исполнится тринадцать...

— Эй, не хочешь помочь? — крикнул отец Тео, сражаясь с парусом. — Нас обгоняют!

Тео взвёл глаза к небу, но поднялся на ноги. Арибелла осталась сидеть. Девушка в лодке — к несчастью, так говорили рыбаки. К счастью, отец Тео не был столь суеверен и взял Арибеллу на борт. Правда, конечно же, никогда бы не позволил ей прикоснуться к парусу. Арибелла не жаловалась; отец Тео и так уже проявил к ней доброту. Однако она вниматель-

но наблюдала, как Тео возится с верёвками, пытаюсь запомнить как можно больше.

Грязноватый старый парус то и дело обвивался вокруг скрипящей мачты; но вот наконец он распрямился и поймал ветер. Тео издал восторженный вопль.

— Bravo! — крикнул его отец, поворачивая руль.

Видавшая виды рыбацкая лодка плавно заскользила по тёмной воде, набирая скорость, и быстро догнала небольшую флотилию, плывущую к главному острову Венеции.

Мальчишки с сонными глазами настороженно смотрели на Арибеллу с других лодок. Она потупилась. Девочка привыкла к таким взглядам.

Тео плюхнулся рядом с ней.

— До сих пор не понимаю, зачем ты сюда приходишь, — сказал он, опустив носок башмака в воду. — У меня-то нет выбора, но ты?.. По утрам могла бы найти себе занятие повеселее — лазать по крышам, купаться, играть с Луной или...

— Мне нравится здесь, — перебила Арибелла, кутаясь в плащ.

Тео фыркнул:

— Кому может понравиться с головы до ног измазаться рыбьими кишками?

— Я не против, — настаивала она.

— Ладно, как скажешь, — насмешливо отозвался Тео, но улыбнулся ей.

Лагуна и небо окрасились в розовые и оранжевые цвета. Мир, тонувший в мягком тумане, выглядел волшебным. Рыбаки с других лодок окликали отца Тео, приветствуя его, и он весело отвечал им. Арибелла глянула на его открытое бородатое лицо, и ей стало тоскливо. Он был таким бодрым, полным жизни... таким непохожим на её собственного отца.

Она любила помогать на рыбном рынке Пескерье, потому что тогда хотя бы на краткое время могла почувствовать себя частью чего-то, ощутить, что чему-то принадлежит. И хотя было стыдно это признавать, Арибелла искала возможности сбежать из мрачного дома отца, где он сидел день за днём, плетя свои кружева, молчаливый и вечно погружённый в траур.

Прошло уже десять лет с тех пор, как умерла мама, но отец так и не оправился от горя. Арибелла была тогда совсем маленькой и почти не помнила мать. Она постоянно переживала за отца — и лишь на рынке могла на некоторое время позабыть обо всём этом. Правда, потом ей становилось мучительно стыдно за это...

Тео откинулся назад, опершись на локти, и закрыл глаза. Арибелла же смотрела по сторонам, глядя на пробегающие мимо острова.

Вот Сант-Эразмо, где жили фермеры. Здесь росли овощи и фрукты для всего города. Несколько мальчишек с Бурано однажды попытались украсть там артишоки, и их прогнали палками... От острова

отплыли несколько лодок и присоединились к флотилии, спешащей к рынку.

Вот позади остался Мурано — знаменитый остров стеклодувов, а потом Сан-Микеле — остров-кладбище.

Вдалеке кричали чайки. Из моря выскользнуло солнце, и небо покрылось тонкими голубыми полосами. А впереди показался — во всей своей ослепительной красе — главный остров Венеции.

Площадь Сан-Марко уже была запружена народом. Восходящее солнце осветило красный кирпич кампанилы — колокольни — и замерцало на бледных стенах Дворца дождей, низкого прямоугольного здания, украшенного, словно великолепный торт, с каменными арками, замысловатыми, как папино кружево. Ряды тёмных окон смотрели на лагуну, похожие на пустые глазницы венецианских масок.

Когда лодка подплыла ближе, Арибелла увидела на стене дворца голову льва. Оскаленную львиную пасть... Она была ещё слишком далеко, чтобы прочесть надпись под ней, но Арибелла и так знала, что там сказано. Даже дети, ещё не умеющие читать, знали. *Per Denontie Segrete* — «Для тайных доносов».

Родители предупреждали своих расшалившихся отпрысков, что их имена попадут в пасть льву, и тогда стражники дожа явятся и накажут их...

Конечно, на самом деле львиная пасть предназначалась не для непослушных детей. Там могло ока-

заться имя любого, кого считали опасным. Никто не знал, что происходило с такими людьми после того, как за ними приходила стража. Некоторые говорили, что их бросают в тюрьму дворца. Другие уверяли, будто ночью их вешают между колоннами на площади Сан-Марко... Одно можно было сказать наверняка: никто не хотел бы это узнать.

Арибелла вздрогнула.

— Эй? Арибелла?

Тео помахал рукой перед её лицом.

— Прости. Я, кажется, была далеко отсюда. — Она улыбнулась. — Что ты говорил?

Что бы ни говорил Тео, в следующий миг всё было позабыто. Тео вскочил на ноги — так, что лодка опасно закачалась, — и вытянул руку, крича:

— Санто чьело! Дож!

И впрямь: перед ними, двигаясь намного быстрее рыбачьих лодок, скользили элегантные гондолы, ведомые дворцовыми стражниками в масках. В центральной гондоле сидел человек в белоснежной мантии и маске, украшенной сверкающими алмазами. Дож Венеции.

Арибелла тоже вскочила на ноги. Дожа не видели за пределами дворца месяцами; вот уже много лет он был болен.

Дож поднял руку, затянутую в перчатку, и помахал в знак приветствия. Он всегда был щедр к бедным — по крайней мере до того, как заболел.

— Приятно видеть его в добром здравии, — сказал отец Тео.

Дождь повернулся в их сторону. Алмазная маска сверкала на солнце так ослепительно, что Арибелла зажмурилась. Когда она снова открыла глаза, гондола дождя уже плыла к дворцу.

— Как думаешь: дождь надевает маску, чтобы скрыть, насколько он болен? — спросила она у Тео.

Тот пожал плечами:

— Может быть. Помню, я видел его, когда был маленьким. И тогда, могу поклясться, никакой маски он не носил. А ты в то время ещё даже не родилась, — поддразнил он. — Может, она ему просто нравится. Если б у меня была маска с таким количеством бриллиантов, я бы никогда её не снимал. Хотя, вообще-то, его маска мне ни к чему. А вот если б...

— Гондолу, — закончила Арибелла.

Тео улыбнулся.

— Ты только глянь на них. Какие они быстрые! Ты знаешь, что гондолы делают из нескольких пород дерева? Дуб, вишня, вяз, сосна...

Арибелла знала. Тео говорил об этом сотню раз.

— И один борт немного выше другого. Это делают специально, чтобы сбалансировать вес гребца на корме, — продолжал Тео. — А этот изогнутый гребень на носу называется «ферро». Да, папа? Эх, хотелось бы мне однажды занять гондолу!

Тео тяжело вздохнул. Его отец промолчал.

— Ну, может, она у тебя и будет когда-нибудь, — ободряюще сказала Арибелла.

Тео не ответил — лишь снова вздохнул, и Арибелла пожалела о своих словах. Она знала, о чём думает её друг. Лишь те, кто родился в богатой венецианской семье, может надеяться на собственную гондолу. А Тео всю жизнь будет рыбаком. Как его отец, как его дед... Что ж, по крайней мере, он знал, где его место в этом мире. Арибелла завидовала этой ясности. Её собственное будущее было таким же мутным, как вода в канале.

Флотилия гондол подплыла к причалу. Дождь вышел из лодки, вместе с охраной миновал арку и скрылся во дворце. Несколько рыбаков огорчённо охнули, когда дождь исчез, и пожелали ему здоровья.

Рыбачьи лодки миновали дворец, оставили позади колокольню и вошли в Гранд-канал — главную водную артерию города, изгибающуюся в форме буквы S. Этим утром, как и в любой другой день, кроме воскресенья, здесь царил невероятное оживление. Канал был забит лодками с самыми разными товарами, среди них яркие помидоры и сверкающие сардины.

Торговцы здоровались с отцом Тео, а тот кричал в ответ:

— Чао! Бонжорно!

И Арибелла раздувалась от гордости просто потому, что сидела с ним в одной лодке.